

АРХЕТИП ПОРЯДКА

Д. В. ЛЬВОВ

Сибирский федеральный университет

Поступила в редакцию 9 февраля 2020 г.

Аннотация: в статье предлагается концепция архетипа порядка. Через обращение к архетипическому подходу анализируется ситуация «Я и Мир». Выявляются структурные элементы архетипа порядка. Прослеживается влияние архетипической схемы порядка на некоторые социальные феномены, такие как групповая идентичность, конформизм, социальный порядок.

Ключевые слова: архетип порядка, групповая идентичность, конформизм, социальный порядок.

Abstract: the article proposes the concept of the archetype of order. Through an appeal to the archetypal approach, the situation of «I and the World» is analyzed. Structural elements of the order archetype are revealed. The author traces the influence of the archetypal scheme of order on some social phenomena, such as group identity, conformism, and social order.

Key words: archetype of order, group identity, conformism, social order.

Всякий человек поставлен в ситуацию «Я и Мир». Если воспользоваться концепцией К. Г. Юнга, то в первую очередь вспоминается подробно разработанный им архетип Самости [1]. Самость актуализируется в этой ситуации и подталкивает индивида к позиционированию в отношении окружающей среды. В результате у человека формируется понимание самого себя, сложной структуры собственного «богатого внутреннего мира». Но всякое понятие есть обозначение границ денотата. То есть прежде чем перейти к разбору внутреннего мира, необходимо обозначить его границы. Этот процесс нащупывания собственных пределов является одновременным процессом ощупывания того, что находится по ту сторону. Иными словами – познания Космоса.

Когда же дело доходит до определения собственного места в Мире, оно может быть понято только в некоей сетке координат и в отношении к иным предметам Мира. Это рождает естественное любопытство человека, выражающееся в потребности разметить окружающий мир. Это отражено в том числе и в ветхозаветном сюжете об Адаме, дающем имена всему, что он находит в тварном мире.

Базовая координатная сетка, на которой мы располагаем все предметы, данные нам в непосредственных ощущениях, согласно концепции И. Канта, заложена в априорном знании [2], которое во многом рифмуется с архетипами в понимании К. Г. Юнга. В первую очередь это данные нам до опыта временная и пространственная шкалы. Познание в этом смысле является процессом соположения мыслимых объектов в

пространстве и времени относительно друг друга. Иначе можно сказать: познание – это упорядочивание.

Такое стремление «разложить всё по полочкам» лежит в основе всякой классификации. При этом само собой разумеющимся полагается, что окружающий нас мир в принципе поддается такой операции. Иными словами, что реальность устроена по тем или иным законам. «У нас существует постоянное ощущение интеллектуальной уверенности, столь прочной, что кажется: ничто не в состоянии ее поколебать. Ибо если даже предположить, что мы внезапно наткнулись на какое-нибудь таинственное явление, причины которого сначала совершенно ускользают от нас, то мы всё же убеждены в том, что наше неведение – временно, что причины данного явления существуют и раньше или позже будут вскрыты. Таким образом, природа, среди которой мы живем, заранее “интеллектуализована”, умопостижима: она вся – порядок и разум, как и ум, ее мыслящий и среди нее движущийся. Наша повседневная деятельность, вплоть до самых незначительных деталей, предполагает полную и спокойную веру в неизменность законов природы» [3, с. 284].

Пользуясь терминологией И. Канта, можно пересказать цитату Л. Леви-Брюля в том смысле, что ожидание порядка в мире является частью априорного знания. И действительно, при всей непредсказуемой случайности Вселенной человек всё же оказывается способен сформировать консистентную и достаточно надежную для повседневности модель мира. Собственно, сама жизнь, столь зависимая от регулярностей и гомеостаза, была бы невозможна, если бы ожидание порядка не имело под собой онтологических оснований в реальности. Присущее всем людям априорное знание об упорядоченности окружающей среды регулярно находит подтверждение. Здесь такой успешный бессознательно воспроизводимый коллективный опыт предлагается концептуализировать в понятии «архетип порядка».

Архетип Самости направлен на выделение личности из окружающей среды. Тем самым человек противопоставляет себя Миру. Такого рода разграничение является необходимым условием для самопознания, которое стимулируется Самостью. В результате индивидуации у человека оформляется представление о себе самом как субъекте, формируется самость как модель себя.

Обозначенное разграничение и противопоставление собственной самости, с одной стороны, и всего остального Мира – с другой, становятся отправной точкой не только для процесса индивидуации и самопознания, но и для формирования картины мира, в котором действует самость. Познание у людей направлено не только внутрь себя, но и вовне. Это вовсе не противоречащие активности, напротив, они взаимно дополняют друг друга.

Другими словами, архетип Самости побуждает к познанию внутреннему, а архетип порядка – к познанию внешнего Мира. Априорное знание о времени и пространстве, таким образом, следует отнести к структурным элементам архетипической схемы порядка. Благодаря им

возможно создание модели Мира, в котором самость способна проявить себя. В процессе познания природа размечается не только в пространстве, но и во времени. Благодаря этому только и возможны концепты динамики, развития и истории.

При этом время обладает важнейшим свойством необратимости вспять. «На наших глазах возникает новое единство: необратимость есть источник порядка на всех уровнях. Необратимость есть тот механизм, который создает порядок из хаоса» [4, с. 363]. В этой цитате содержится важнейший постулат известнейших разработчиков синергетического подхода И. Пригожина и И. Стенгерса. Они утверждают, что порядок любой сложности происходит в конечном счете из хаоса.

В этом противопоставлении содержится характерная для архетипической организации коллективного бессознательного бинарная оппозиция. Концепт порядка противопоставляется хаосу, вероятно, с самого момента своего появления. Эти идеи настолько тесно связаны, что одно автоматически подразумевает другое, одно определяется через противопоставление второму. Апофатически можно сказать, что порядок есть отсутствие хаоса, а хаос – это отсутствие порядка.

Таким образом, хаос занимает важнейшее место в архетипе порядка. «Во многих случаях довольно трудно провести четкую границу между такими понятиями, как “хаос” и “порядок”. К каким системам следует отнести, например, тропический лес: к упорядоченным или хаотическим? История любого вида животных может показаться случайной, зависящей от других видов и флуктуации окружающей среды. Тем не менее трудно отделаться от впечатления, что общая структура тропического леса, например всё многообразие встречающихся в нем видов животных и растений, соответствует некоторому архетипу порядка» [там же, с. 225–226].

Таким образом, эту бинарную оппозицию следует воспринимать не только как несовместимые противоположности, но и как полюса единого континуума, на котором мы располагаем объекты мира друг относительно друга. При этом порядок здесь понимается, прежде всего, как сложность организации материи, сложность структурированности. Замена слова «порядок» на «структурированность», по сути, не приведет к потере смысла в противопоставление хаосу в синергетике. В то же время такая замена исключит привнесение всего того многообразия коннотаций, которые связаны в русском языке со словом «порядок». Например, порядок как результат уборки. Или порядок как справедливость. Многие из этих сопутствующих смыслов важны для наполнения архетипа порядка, но несущественны для континуума, стоящего в ряду осей пространства и времени. Таким образом, ось структурированности-хаоса является еще одной шкалой априорного знания наряду с пространством и временем. Эти три континуума – элементы архетипа порядка.

Благодаря бинарной оппозиции структурированности и хаоса индивидуальная самость становится способной осмыслить фундаментальные свойства реальности, отраженные на символическом уровне в философских категориях случайности и необходимости. Концепт порядка содер-

жит в себе представления о связанности и взаимообусловленности, являющиеся базовыми для планирования и науки. Хаос же представляется, напротив, непредсказуемым источником нарушения открытых однажды причинно-следственных закономерностей. Такая случайность воспринимается прежде всего угрозой.

Порядок, соответственно, наоборот, вызывает ощущения безопасности, предсказуемости и сопутствующие позитивные эмоции. Конечно, порядок, возведенный в абсолют, становится уже в оппозицию к идее свободы. Но всё же между порядком и хаосом люди, как правило, выбирают первую альтернативу. Как заметил Ксенофонт, «нет ничего столь удобного и столь хорошего для людей как порядок»¹ [5, р. 429].

Более того, мы стремимся «навести порядок» в этой хаотичной в своей стихийности окружающей среде. Отсюда известное противопоставление вырабатываемой человечеством культуры и изначально необработанной природы. Люди от большинства прочих живых организмов отличаются тем, что способны не только сами адаптироваться к среде, но и приспособлять среду к собственным стандартам. Это одно из видоспецифических свойств.

Склонность к упорядочиванию является одним из базовых качеств разума. В обозначенном контексте можно сказать «о разуме как о возможности защиты от опасности – способе защиты его обладателя от неизвестных потрясений. Это было чем-то сродни ответу “Я всё могу!”, брошенному Вселенной, которая угрожает всем, чем только может» [6, с. 338]. Люди склонны к порядку именно потому, что он удовлетворяет базовую потребность в безопасности. Эту потребность известный психолог А. Маслоу в своей иерархии помещает сразу вслед за физиологическими нуждами организма перед всеми прочими личностными мотивами: «Если физиологические потребности относительно удовлетворены, появляется новая группа потребностей, которые мы можем с некоторым приближением отнести к категории потребностей в безопасности (защищенности; стабильности; зависимости; защите; отсутствии страха, тревоги и хаоса; потребности в структуре, порядке, законе и ограничениях; силе покровителя и т. д.)» [7, с. 63].

В приведенном высказывании обращает на себя внимание, что в однородном ряду стоят закон, порядок и зависимость от покровителя. В этом смысле снова возникает оппозиция порядка не только хаосу, но и свободе. Таким образом, боязнь непредсказуемых последствий случайности потенциально приводит к чувству удовлетворения от пусть и ограничивающей, но при этом предсказуемой зависимости от некоего «покровителя».

Как минимум частично на удовлетворение той же потребности в безопасности работает социальность людей. Благодаря идентификации с

¹ В цитируемом издании дан английский перевод: «there is nothing so convenient or so good for human beings as order». Здесь выполнен перевод на русский с цитируемого англоязычного источника.

группой «таких-же-как-я-самостей» индивид ощущает себя значительно сильнее в противостоянии с Миром: как известно, один прутик легко ломается, а целый сноп прутьев уже не сломаешь. Частично этим объясняется склонность людей к единению и даже растворению в толпе.

Именно благодаря такому замещению индивидуальной самости самостью социокультурной общности, коллективным «мь» формируется феномен фанатичного отстаивания групповых интересов даже в ущерб собственным, возникают случаи самопожертвования ради общего блага. Кроме того, в рамках этого же механизма в индивидуальном сознании всегда есть тенденция к пониманию картины мира посредством разработанных в сообществе конвенциональных паттернов.

Таким образом, в формировании мировоззрения архетип порядка тесно связан не только с Самостью, но и с групповой идентичностью: «ведь у большинства людей представление о реальности опирается не на раздумья или критический разум, а на общий консенсус, на единое мироощущение группы» [8, с. 177]. При этом индивидуальное критическое мышление уступает место черно-белому и мало способному к сложным моделям коллективному разуму. Этот феномен был отмечен еще Г. Лебоном. Он же писал о потенциальной виртуальности «совместного здесь», концептуализированной Б. Андерсоном как «воображенное сообщество». «Исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении – главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации, – не требуют постоянного и одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте. Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы» [9, с. 132].

Имея в виду тесную связь априорной шкалы структурированности-хаоса не только с пространством, но и временем, обоснованным становится дополнение «совместного здесь» социокультурной общности также концептом «совместного сейчас», помещенного в контекст исторического нарратива. Действительно, известно значительное эмоциональное восприятие не только границ общей территории, но и практик описания общего прошлого сообщества.

Выработка консенсуса по поводу канонического набора в ряде ключевых для общности исторических событий и деятелей, а также формирование согласованной позиции по их моральной оценке становится разметкой совместного осмысления времени аналогично тому, как оформление территориальных границ является упорядочиванием совместного понимания пространства.

Еще одним важным аспектом архетипической структуры порядка выступает его принципиальная законченность. Как бы само собой предполагается, что всему, что содержится в порядке, найдены свои место и время. В этом смысле порядок требует полной инвентаризации. Это обусловлено всё тем же стремлением к предсказуемости, вызванной по-

требностью в безопасности. Учет и контроль, таким образом, становятся рационально оправданы и возводятся в добродетель. Такого рода хозяйственная расчетливость регулярно поощряется житейской мудростью. Как хрестоматийный пример, множество похвал этому качеству рачительного хозяина встречается в русском «Домострое»: «Если же кто, не оценив себя и не рассчитав добра своего, ремесла и прибыли, или государева жалованья и добытка законного, начнет, на людей глядя, жить не по доходу, занимая или несправедливо приобретая, то честь его обернется великим бесчестьем со стыдом и позором, а в лихое время никто ему не поможет: от безрассудства своего пострадает, да и от Бога грех, а от людей насмешка. Надобно каждому человеку избегать тщеславия, и похвал, и наживы неправдой, жить по силе своей и возможности, и по расчету, и по средствам, добытым праведно. Такое житие и благоприятно, и Богу угодно, и похвально среди людей, а себе и детям надежно» [10, с. 68].

Архетип порядка поддерживает стремление к полноте систематизации. Такая полнота предполагает начало и конец. В этом смысле бесконечность воспринимается негативно. Архетип порядка предрасполагает к недоверию беспорядочности и незавершенности, присущим бесконечности. Они таят в себе потенциальные опасности, которые следует избегать. Бесконечность ставится на один полюс с хаосом.

Кроме того, всему в мире порядка должно быть найдено применение. В том же «Домострое» постоянно подчеркивается, что благоприятное устройство быта предполагает, что всякой вещи присуща определенная функциональность. В этом же ключе может быть интерпретировано стремление всему найти причину. Выстраивание каузальных связей, помноженное на стремление к полной завершенности, порождает предельный детерминизм. Одной из разновидностей выработанных культурой символических наполнений архетипа порядка становится концепт Первопричины. В этом ключе и Божий промысел, и Большой взрыв могут быть положены в один ряд архетипических образов.

Также внимание следует привлечь к идее социального порядка. В разное время и в разных странах конкретное содержание набора представлений о том, каков должен быть общественный *status quo*, значительно варьируется. Но само по себе установление относительно устойчивой социальной структуры и связанных с ней коллективных конвенций остается фундаментальным условием нормального функционирования общества.

Конечно, «социальный порядок – это человеческий продукт или, точнее, непрерывное человеческое производство. Он создается человеком в процессе постоянной экстернализации... Он существует лишь как продукт человеческой деятельности... И в своем генезисе... и в своем настоящем... это человеческий продукт» [11, с. 88–89]. В то же время архетип порядка подводит под установившийся социальный *status quo* в определенном смысле трансцендентные основания. «Кажется даже, что необходимый порядок, существующий в обществе, является плодом не-

коей совершенно недифференцированной формы, в которой моральная, религиозная и юридическая санкции еще покоятся в нерасчлененном единстве – такова дхарма у индусов, темис у древних греков, фас у латинян – и что в зависимости от различных исторических обстоятельств то одна, то другая форма становится основой таких порядков» [12, с. 555]. Такой «недифференцированной» константой форм выступает архетипическая схема порядка.

Еще один аспект стремления к полноте и завершенности систематизации – требование внутренней согласованности упорядоченных элементов. Для формирования удовлетворяющей архетип порядку картины мира необходимо, чтобы составляющие ее элементы не противоречили друг другу. В силу иррациональности коллективного бессознательного речь не идет о высокой научной логической непротиворечивости. Но вырабатываемые принципы не должны противоречить друг другу.

В то же время такая консистентность картины Мира, рождаемая в процессе любопытства, обращенного вовне и поощряемого архетипом порядка, создает энергетические и эпистемологические условия для вырабатывания рациональности. На эту же тенденцию работает и стремление проследить причинно-следственные связи. На высоком уровне самоорганизации и при поддержке со стороны созданных в культуре символических наработок эти процессы приводят к разработке логического аппарата и рождению института науки.

На основе всё той же гармонии в картине мира вырабатываются моральные, религиозные, юридические, эстетические и прочие социальные нормы, задающие образцы, следование которым поощряется. «Культурные образцы имеют тенденцию организовываться в системы. Характерной особенностью такой систематизации является тип интеграции, который мы можем назвать согласованностью эталонов. Как логическая последовательность системы верований, или стилистическая гармония художественной формы, или совместимость с рациональной точки зрения свода моральных правил, внутренняя связанность культурных эталонов всегда является центральной проблемой для культуролога» [13, с. 445]. Характерно то, что Т. Парсонс здесь ставит культурные образцы в пассивный залог. Это дает возможность для интерпретации их воспроизводства как процесса, подверженного влиянию некоего непроговариваемого фактора или самоорганизующихся феноменов. Оба варианта вполне укладываются в рамки архетипического подхода.

Таким образом, архетип порядка связан с социальным контролем. Собственно порядок, приложенный к обществу, понимается как конформное поведение. Архетип порядка вводит конформизм в контекст «правильности» в соответствии с упорядоченностью природы. Социальный мир оказывается гармонично встроенным в космический Порядок.

Влияние коллективного бессознательного обуславливает нуминозную легитимацию соответствующего положения вещей. Природный и социальный миры подводятся под единую рамку Божественного поряд-

ка. Благодаря этому дополнительно удовлетворяется формируемое архетипом порядка стремление к полноте модели Мира. Вырабатываемые культурой архетипические образы сакрализуют конформизм, давая чувство успокоения и инструменты рационализации повседневного подчинения социальным нормам.

Социальная дезорганизация, дюркгеймовская аномия ставится архетипом порядка на полюс хаоса. Любое отклонение в сторону от социального конформизма воспринимается как опасное действие, имеющее потенциал подорвать социальный порядок, а через это – и Космический, и Божественный порядок. Таким образом, задаваемые архетипом порядка тенденции к полноте и согласованности формируемой социокультурной общностью картины мира обуславливают склонность массового сознания к смешиванию когнитивных универсумов.

Кроме того, те же одновременные требования полноты и согласованности приводят к формированию тенденции на установление единственно верной истины. Плюрализм и конкуренция картин мира воспринимаются в этом ключе как ведущие к хаосу и, соответственно, маркируются в лучшем случае как нежелательные, а в пределе – опасные и потому преследуемые, требующие искоренения. Это становится архетипическим основанием для всякого рода фанатизма.

Институты социального контроля, даже если изначально они формировались для регулирования различных, казалось бы, не связанных между собой сфер, объединяются на этой основе для праведной защиты сакрализованного порядка. Особенно ярко это иллюстрируется историческими примерами симфонии политики и религии, взаимно поддерживающих друг друга. Совокупно это служит оформлению консервативных традиций, что опять же поддерживается ригидностью архетипов коллективного бессознательного. Всё это не рефлексировано на символическом уровне коллективных представлений, а принимается как естественная данность.

П. Бергер и Т. Лукман так характеризуют эту ситуацию: «Монополистическая ситуация такого рода предполагает высокую степень социально-структурной стабильности, и сама эта монополия играет роль структурной стабилизации. <...> Поэтому нас не должно удивлять, что существует большая связь между теми, чей интерес состоит в поддержании установившихся властных отношений и персоналом, управляющим монополистической традицией поддержания универсума» [11, с. 200].

Таким образом, архетип порядка поддерживает традиционные ценности и взгляды на Мир. Причем, какие именно это будут взгляды и ценности, как и в любой иной архетипической схеме, не принципиально и потому существенно меняется от одной социокультурной общности к другой. Такая пластичность прекрасно согласуется с тенденцией к выстраиванию социокультурной уникальности. Важным для социокультурной идентичности и устойчивости является обязательность самого элемента упорядочивающей традиции.

Литература

1. Юнг К. Г. Эон : исследования о символике самости / К. Г. Юнг ; пер. с нем. В. М. Бакусева. – М. : Академ. Проект, 2009. – 340 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. О. Лосского. – М. : Наука, 1999. – 655 с.
3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
4. Пригожин И. Порядок из хаоса : новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
5. Xenophon. Oeconomicus / Xenophon // Xenophon. Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology Trans. by E. C. Marchant. – Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1997. – P. 361–526.
6. Герберт Ф. Сон или явь? / Ф. Герберт // Улей Хельстрема. Сон или явь? Создатели небес. Барьер Сантароги : фантаст. романы / пер. с англ. П. Киракозова. – М. : Изд-во АСТ : Ермак, 2004. – С. 253–372.
7. Маслоу А. Мотивация и личность : пер. с англ. / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2012. – 352 с.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; пер. Э. М. Телятниковой. – М. : Республика, 1994. – 447 с.
9. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М. : Кучково поле, 2016. – 416 с.
10. Домострой : как устроить свой быт богоугодно, а жизнь свято / пер. на совр. рус., ред. Т. Н. Терещенко. – М. : ДАРЬ, 2014. – 160 с.
11. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Руткевича. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
12. Зиммель Г. Избранное. Т. 1: Философия культуры / Г. Зиммель ; пер. А. В. Дранова, М. И. Левиной, И. И. Маханькова, А. М. Руткевича, А. Ф. Филиппова, Г. А. Шевченко. – М. : Юрист, 1996. – 671 с.
13. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; пер. И. Бакштейна, Г. Беляевой, Л. Седова, В. Чесноковой ; под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – М. : Академ. проект, 2002. – 880 с.

Сибирский федеральный университет

Львов Д. В., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
E-mail: devlal86@gmail.com

Siberian Federal University

Lvov D. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Sociology Department
E-mail: devlal86@gmail.com